

▲Глава 1

Роман Евстафьевич Веденеев уже минут десять грозно водил по бланку старинным пером-артефактом, не требующим чернил и оставляющем на бумаге черный отпечаток, как от углей.

Строгость, молчание, негодующая складка меж бровей, а также презрительная гримаса должны были исполнять цели сугубо педагогические. Однако не исполняли. Объект негодования и презрения покачивался посреди комнаты, подперев подбородок нетвердой ладонью, и почти засыпал.

Это был молодой человек двадцати шести лет от роду, высокий, красивый замечательной жгучей и мужественной красотой, столь характерной для потомков ведь-магов, нагой до пояса, в подвернутых до колен драных по моде джинсах, босой... и в стельку пьяный. Юноша был явно близок к тому, чтобы завалиться спать прямо посреди кабинета отца (хорошо зная своего сына, Роман Евстафьевич подозревал, что еще пара минут молчания и презрения с его стороны закончатся именно этим), игнорируя даже тот факт, что перо-артефакт вычерчивало на формуляре приказ лишить его ежемесячного денежного довольствия.

Лицо Романа Евстафьевича приняло выражение крайнего отвращения. Он шумно вздохнул, смял бланк крупной ладонью и швырнул его в урну для бумаг, с горечью проговорив:

– Что толку-то, а? Все равно мать деньжат подбросит! Добрая душа, так-растак! Елисей!

Юноша вздрогнул, пробудился от дремы, покачнулся и бодро заметил:

– Однохренственно... то есть охренительно... я хотел сказать... естественно, батюшка! Все под богами ходим.

– Под богами?! – взревел Роман Евстафьевич, поднимаясь. – В твоём случае – под жирной мухой! Напомни, откуда тебя сейчас твой приятель добыл?

– Э-э-э... – молодой человек трансформировал ноготь на большом пальце левой ноги в темный заостренный коготь и почесал им мускулистую икру правой ноги.

– Убери! – велел его отец, кривясь.

– Виноват-с, – икнув, признал Елисей. Он вернул ступне обычный вид и подпер подбородок растопыренными пальцами, явно пытаясь вспомнить, каким путем занесло его с

раннего утра в кабинет отца пьяным, босым и столь сильно ненавидимым.

– Не припоминаешь?! Давай напомню! Сегодня утром после многочасовых поисков тебя нашли в занюханной пригородной гостинице с комнатами, что идут за ночь по десятке шеленгов!

– Да? Надо же, – многозначительно заметил Елисей, поддерживая разговор и старательно выражая лицом заинтересованность. – Совсем недорого для такого уютного местечка...

– Молчать! – рявкнул Веденеев-старший, от чего юноша болезненно поморщился и прикрыл один глаз. – Тебя вытащили из одной постели с полукровкой-дриадой, танцовщицей из «Миленькой Розы»! Мне было бы все равно, как ты проводишь свободное от обязанностей время, если бы за тобой не увязался репортер! Хотя нет! Мне не все равно! Ты сбежал с корпоративного собрания, чтобы потом обнаружиться в Дивном Квартале! Я не оберусь позора, если об этом узнают наши акционеры! Благодарю богов, что Изя успел выкупить негативы, иначе быть твоей опухшей роже да голой заднице твоей подружки-однодневки на первых полосах «Искушенного Знатока», дрянной желтой газетенке, что вечно поливает грязью аристократические семьи! Я не удержался, да вот – напечатал парочку улик! Любуйся!

Роман Евстафьевич достал из ящика несколько снимков и швырнул их на стол. Елисей проложил маршрут через комнату нетвердым шагом, а фотографию с зеленого сукна ухватил со второй попытки. Вгляделся, усиленно хлопая веками и фокусируя взгляд.

– Надо же, действительно... задница, – озадаченно проговорил Елисей, комментируя то ли ситуацию в целом, то ли соблазнительный ракурс легкомысленной дриады, ангажированной на одну ночь после попойки в «Миленькой Розе».

– Единственный наследник Первого ведьмачьего рода, – с горечью констатировал его отец, падая в кресло и с точно такой же, как у сына, болезненной гримасой прижимая руку ко лбу, – потомственный ведь-маг, демиург и... мой отпрыск, в конце концов! Еще немного – пропьешь талант и последние крупы моего доверия. Что тогда? Опять за мамкину юбку? В стране кризис, кварталы бузят, нечисть прорывается целыми стаями. Когда ты последний раз выходил в Дозор! Не помнишь. Для нормальной жизни Сильверграду нужны ведьмаки, а где их взять? В семье

▲Веденеевых? Там сын достиг брачного возраста, не иначе как скоро о продолжении рода позаботится! Ах нет, он же начисто прокутил и пропил если не Дар, то стыд и срам! Кто станет доверять ведьмакам Веденеевым, зная, что Елисей ни во что не ставит честь семьи и рода? Никто! Дождутся ли жители Сильверграда и всей Солии продолжение рода, на который уповают как на один из гарантов защиты от навьих? Вряд ли. Где Изя?

– Да бог его... – пробурчал Елисей, дернув плечом.

По сонному виду парня можно было подумать, что он опять погружается в дрему и не слушает поучения отца, но прояснившийся взгляд и злой огонек в нем говорили о том, что это не так.

Роман Евстафьевич снял с пояса связку амулетов и потер пальцами старый, истончившийся от прикосновений золотой безант. Монета тускло засияла, и в кабинете материализовался невысокий молодой человек, изящно сложенный и тонкокостный. Острые уши и изящные длинные пальцы выдавали в нем потомка Дивных.

– Иззананди...тани... Иззантани... – обратился к нему Веденеев-старший. – Тьфу, навь темная! Изя, племя лепреконово! Мне и тебя искать с фонарями? Плохо относишься к своим обязанностям. Решил сменить хозяина за год до окончания договора? Коней на переправе?

Хрупкий молодой человек вжал голову в плечи и буркнул:

– Нет, Роман Евстафьевич. И в мыслях не было.

– Два сапога пара! Что ты, что сынок мой! Разгильдяи! В последний раз прощаю. Забирай этого красавца и следи за тем, чтобы он никуда не делся до сегодняшнего вечера. Чтоб не пил. Чтоб в порядок себя привел. Сегодня в восемь он мне нужен, трезвый, милый и нарядный. Привезешь его в ресторан отеля «Стольный Дуб».

– Слушаюсь.

Молодые люди покинули старое здание фабрики в молчании. У ворот Елисей коротко бросил:

– Машину подогнал?

– Да, – хмуро ответил Изза.

Найдя глазами свой золотистый кабриолет, Веденеев-младший направился к нему широким шагом как был босиком, не оглядываясь. Лепреккон едва поспевал за ним, семена позади.

– Роман Евстафьевич не велели за руль садиться, – скучным голосом, явно продолжая спектакль, произнес Изза.

– Вот и не садись, – лениво бросил Елисей, запрыгивая в автомобиль. – Такси возьми. Через полчаса вызову, будь у меня с пол-литрашкой холодной «Короны Цвергов». Ни на какие смотрины я не пойду, и не надейся. Лучше придумай, как мы вечер завтра проведем. Как и где? Чтобы магический поиск папеньки моего меня не засек. И не забывай, кто тебе золотом платит: отец или я.

– Ты, – признал Изза.

– Я.

– Я тоже спать хочу. Мне из-за тебя влетело, между прочим, – пожаловался лепреккон.

– Полчаса, понял?

– Скотина.

– Что?!

– Ничего, слышалось тебе. Всё. Отбыл.

Елисей проехал по серебряному мосту, кивнул двум «младшим» ведьмакам из патрульной службы. Те скривились, но кабриолет не остановили – прикормленные, знает, кого четыре колеса последней модели домой везут. В любом случае, Елисей почти полностью протрезвел. Голова только болеть начала.

▲Лифт вознес его на сороковой этаж. Веденеев принял холодный душ, уселся на диване в халате на голое тело и облизнулся: дать Изе с пивом еще пару минут, или справился уже?

Из окон во всю стену открывался вид на Сильверград, Город Серебряных Мостов. Вот, несмотря на раннее утро, кипит жизнью вечный Сити – деловой и культурный центр, а дальше виден край Темного Квартала. Кто-то сказал бы, не лучший вид: Темный Сектор – обиталище разного отребья, самый криминальный квартал Сильверграда, но Елисею картинка в окне нравилась. Сильверград,

как красный мясной пудинг, – без перца и крови совсем теряет свой особый вкус.

Елисей взял со столика свой безант, такой же потертый, как у отца. Провел холеными пальцами по почти гладкой поверхности. Изза появился в комнате, прижимая к себе две высокие бутылки пива.

Быстро он. И переодеться успел – почему-то в длинный плащ не по погоде.

– Ну-ка, ну-ка, – заинтересовался Елисей, приглядываясь к лепрекону. Приказал, подражая говорку простолюдинов из окрестностей: – Не пó няв. Шо там у те под пальтом? А ну сьмай!

Изя помялся и снял плащ. «Под пальтом» у него были белая рубаша, мягкие кожаные брюки, удобные ботинки с толстой подошвой и шипами и... португепя под клинки, «шпильки», серебряные дротики и прочую экипировку охотников на нечисть.

– Что это? – ледяным тоном спросил Елисей, отставляя бокал.

– Э-э-э... костюм ведьмака.

– Я знаю, что это костюм ведьмака. Я сам ведьмак. Я спрашиваю: чего ради все ЭТО напялено на ТЕБЯ?

Изда пожевал губами и неохотно сообщил:

– У меня сегодня съемки на афишу. В костюмах, для выступления... в клубе сегодня. Номер о... ведь-магах.

– Да что ты говоришь? – Веденеев нехорошо прищурился. – Прелесть какая! Ах, да, ты ж у нас комик! Как я мог забыть! Ну, давай! – ведьмак поерзал на диване. – Начинай. Охотно заценю твоё творчество!

– Я только... начинаю карьеру. Слушай, Еся. Давай потом, а? Хочешь, проведу тебя в клуб, послушаешь... вживую, – протянул лепреконт, глядя в потолок.

– Это само собой. Непременно послушаю. А сейчас считай, что у тебя репетиция. Пока вживую. Не понравится – будет вмертвую. Стэнд-ап выступление – это как раз то, чего мне так недоставало с похмелья.

Изда со вздохом отошел к телевизору, взял микрофон от караоке и начал «выступать».

– Недавно снял одну цыпочку. Ну... не то чтобы снял, попытался. Дерзкая попалась, из горных

нимф, одной харизмой не возьмешь. Кабриолет, клуб... я расстарался, честно. А она такая: докажи, что ведьмак. И ваще, – Изза сделал капризное лицо, – покажи мне, как ты нечисть ловишь. Я бы слился, но там такие буфера... Ну я звоню пацанам. Короче, ведьмачки, кто в последний раз в Дозоре был, что там ваще? А они такие: ты, чувак, вчера в клубе с трансмагами зажигал? Какой Дозор? Это который после дозы?

Лепрекон замолчал, выжидательно поглядывая на «зрителя».

– Что? – мрачно спросил Елисей.

– Тут все смеются и хлопают, потому что все знают, что ведьмаки из аристократических семей...

– Все! – Веденеев встал и хлопнул в ладоши. – Я понял. Аплодирую стоя. Хотя вообще не смешно. Что там еще дальше, вкратце?

– Ну потом типа я иду в Торговый Квартал и покупаю голову виверны. Приношу ее на свидание. И дальше самый приколы: голова протухла, воняет, и я придумываю всякие отмазки, потому что девушка...

– Зачем охотнику на нечисть покупать голову виверны? – на лице Елисея было удивление.

– Так все знают, что ведьмаки-мажоры там покупают всякие... доказательства. В Торговом люблю дохлую нечисть купить можно. Чтобы сдать в Ратушу. Типа были в Дозоре.

– Кто ее добывает, нечисть?

▲– Ну... – Изза задумался, – оборотни, трансмаги, вольные охотники... все, кто хочет заработать. Богатенькие ведьмаки неплохо берут дохляков. Точных цен не скажу... Вроде говорят, сотня шеленгов за хвост кривокуба... или что-то типа того.

– Я не знал. Честно. Отстал, наверное, от жизни. Теперь знаю. Так, значит, да? – Веденеев подошел к окну и задумчиво посмотрел на город.

– Да ладно! Еся, ты же в одной тусовке с «золотыми»?! – лепрекон дернул плечом.

– Мы... мы вообще давно о дежурствах не говорили. У нас... другие интересы.

– Ага, клубы, машины, девчонки, транс-дурь. Все и так знают, что элита давно в Дозор не ходит. Ты ходишь?

– Не хожу, – процедил Веденеев.

– Ну вот. Благодарю отца – тебя никто не трогает, ты наследник Веденеевых. Другие просто откупаются. Еся, я просто слегка утрировал. Слегка.

– Снимай.

– Что?

– Костюм ведьмака.

– Зачем? У тебя свой есть.

– Есть, но не такой эффектный. И я... не помню, где он.

– Шутишь?! Это мой реквизит! Мне вечером в клуб!

– Успеешь.

– Мне фотографироваться!!!

– Ладно. Иди, запечатляйся. Занесешь костюм к восьми. Не опаздывай. У меня свидание в восемь.

– Ты же не...

– Я передумал. Если я не ошибаюсь, сегодня меня будут спаривать с Марьей Морановой, наследницей корпорации «Зеркало». Перезрелая доченька магната Мора Моранова. Традиционные магические технологии, заветы предков... Ведьма для ведьмака. И слово «ведьма» в данном контексте – это не про профессию, а про... суть. Я не хотел идти. Но пойду.

Веденеев прошел через душевую и спустился на несколько ступенек к бассейну. Там он сбросил халат, вошел в воду, оттолкнулся от бортика и, блестя смуглыми крепкими ягодицами, начал отрабатывать свою дневную норму плавания.

– Полное имя. Мир.

– Беяна Иннокентьевна Снегова. Мир Четырех Империй.

– Принадлежите к какой-либо магической расе? Вторая, третья ипостаси имеются?

– Не принадлежу. Не имею... ни одной.

Полагаю, ипостась змеи подколодной, на груди пригретой, не в счет. Хотя мои близкие поспорили бы. Отец переживал, что увожу с собой свои рецепты и умелые, а главное, бесплатные руки, столь

необходимые в нашей пекарне, мама – что из двух сестер наследство досталось лишь мне, а сестра – что мой ухажер, красавчик Омела, не спешит переключаться на других девушек, даже зная о моем отъезде. Отца я как-то успокоила, с мамой спорить бесполезно, а Омела не дурак. Вряд ли парень, которого я столь категорично отвергла, красавец, спортсмен и музыкант, упустит шанс и не воспользуется щедрым, легкомысленным и очень романтическим предложением Розалины. И ей на каникулах скучать не придется. Но в глазах родни я все равно – неблагодарная тварь.

– Есть ли маги в роду?

– Есть. Двоюродная бабушка... была. Сестра... родная, учится в магакадемии.

Офицер таможни сделал пометку в моем деле. Или что там лежало перед ним в папке, такое пухлое и все сплошь в разноцветных печатях. ♣Я зевнула, деликатно прикрыв рот ладонью, и посмотрела в окно. От платформы моего мира отходил поезд, доставивший меня в Сильверград. Путешествие было комфортным, но я устала. Теперь нужно разобраться с транспортом и доехать до лавки. Немагам, таким, как я, из одного квартала в другой можно добраться только на специальном общественном транспорте, через серебряные мосты, соединяющие сектора разных миров.

На меня уставились круглые глаза таможенника:

– Скажу честно и прямо. Ваше дело так долго было на рассмотрении, потому что...

– Я немаг?

– Вот, сами все понимаете, Беяна Иннокентьевна. Муниципалитет не мог отказать во вхождении в наследство, разумеется, но... положи руку на сердце: без магических способностей в Сильверграде вам придется очень нелегко. Город беспокойный: нечисть шалит что ни ночь, а в последнее время и что ни день. Клань оборотнические совсем распоясались. Наследство ваше, – офицер понизил голос, наклонился через стол и постучал пальцем по папке – я машинально подалась вперед, – в Лисьем Переулке. Вокруг – артефакт-мастера, ювелиры, сувениры. Судя по результатам проверочной комиссии, лавка там у вас развалюха-развалюхой, а земля под ней дорогая. В управе несколько сотен заявлений на покупку. Серьезные семьи, даже пара знатных родов, ведьмаки и трансмаги. Всем отказано, так как наследство заверено и наследник жив ... пока.

Он произнес это «пока» так, что мне стало холодно, – с сомнением в моей дальнейшей жизнеспособности произнес.

– Мой вам совет: продавайте наследство и езжайте домой. Сильверград руки не подаст и слезам не поверит.

... Вернуться домой? Я вспомнила разговор за завтраком. Отец ел мой прощальный яблочный пирог с лицом, уместным на самых печальных поминках, мама злилась, сестра читала учебник с надписью «Непластичная магия», в котором (я подсмотрела ненароком) была спрятана другая книга, содержания весьма фривольного. Впрочем, узнай об этом мама, моя обожаемая, магически одаренная сестричка всего лишь потеряла бы пару баллов в рейтинге «прилежности, скромности и непорочности мыслей». Розочке у нас в семье прощается все.

– До сих пор не понимаю, почему лавка в Сильверграде досталась только тебе! – жалобно воскликнула мама, наверное, в сотый раз за утро.

– Смее напомнить, это было в завещании: большая часть денег бабушки пошла на обучение Розы в Академии, а моим уделом бабуля сочла дела немагические. Торговлю, – сладким голосом уточнила я.

– Упрямая! Продай землю и поделись с сестрой! – мама стукнула кулаком об стол, у папы залило чаем кусок пирога, от чего он еще больше приуныл.

– Я подумаю, – так же сладко пообещала я.

– Я знаю, за что старая ведьма полюбила Белку, – сестра фыркнула и занесла пальцы над блюдом с пирогом, выбирая кусок порумянее. – Беляна втерлась ей в доверие. Своими «ох, ах!», аккуратными косичками, бантиками и наглаженными платьями. А я всегда была ей не мила. Я была сорванцом,

Не льсти себе, Розочка. Ты была маленьким, избалованным манипулятором, с ранних лет осознавшим свой козырь – магический дар: о боже, в нашей семье есть волшебница! Кое-кто умело пользовался магией, не стесняясь врать и выставить лгуней меня. Хорошо, что бабушка видела всю нашу семью насквозь. Бабуля спасала меня своими частыми приглашениями пожить у нее в

Сильверграде. Под предлогом помощи в ее «Лавке Немагических Чудес» я каждые каникулы уезжала в самое прекрасное место на свете.

...– Подумайте, – еще раз посоветовал таможенник, занеся печать над иммиграционным бланком. – Тщательно все взвесьте.

Кусачая нечисть, оборотни или мое славное семейство? Ответ однозначный.

– Благодарю вас, но я решила. Я все-таки попробую, – сказала я, улыбнувшись самой очаровательной улыбкой из всего моего немагического арсенала.
▲Офицер вздохнул и поставил печать.

Глава 2

Глава 2

Уршурник Елисею достался свеженький, недавно задравший козу главы Торговой Гильдии, а посему быстро отправленный вольными охотниками на заслуженный, вечный отдых. Прихватив "трофей" за заднюю лапу, Елисей шел через зал ресторана тяжелой, усталой поступью натрудившегося героя. Длинный кожаный плащ был обильно заляпан по подолу черной «кровью». (Плащ у Иззы был стильный, цвета жженого сахара, с серебряными заклепками. Кровь принадлежала безвременно усопшей козе господина Динькова). С подошвы грубых ботинок отваливались комки земли вперемешку с потоптанными ночными фиалками (у здания ресторана имелась милая клумба, щедро снабдившая Елисея визуальными доказательствами «охоты»).

Появление Ночного Охотника в ярко-освещенной ресторации, среди расслабленно вкушающих пищу обывателей, вкупе с вонючей темной полосой слизи, тянувшейся за дохлой нечистью от дверей, не оставили посетителей ресторана равнодушными. С аудио-эффектами все тоже сложилось отлично: дохлый уршурник волочился по полу, вонзившись когтем передней лапы в деревянный паркет и издавая тем самым душераздирающий скрежет.

Придется приплатить за ущерб. Вон тот представительный господин, скромно приткнувшийся в нише, не просто метрдотель – правая рука владельца «Стольного дуба». Лицо задумчивое, но не шокированное – стреляный воробей. Решает, что делать: остановить хулигана, устроить скандал... или обратить все к взаимной выгоде. Кажется, решил подождать: сделал знак слегка растерявшимся официантам, те шустро распределились по залу, а по углам

добавились угрюмые
мордастые охранники. Персонал тут тренированный: и атаки навьих отражать, и
буянов
утихомиривать... но палку не перегибать. Правильно. Если ведьмаку хочется
развлечься, не стоит
ему мешать, даже в таком пафосном месте. Сильверград держится на таких, как
Веденевы и...
Морановы.

Рядом с отцом, глаза которого медленно наливались гневом и кровью не хуже
уршурниковых,
сидела эффектная молодая дама. Красивая... словно сама тьма. Волосы будто черное
зеркало, глаза
синие, бездонные, ресницы – смоляной веер. Морановы. Старый род, нехороший,
известный
близостью к темной древней магии, но для города полезный. Столько лет сидели в
своем замке на
Холмах, не особо интересуясь делами Сильверграда, а пять лет назад начали
появляться в высшем
свете. Сестры Морановы. Марья – старшая. Двадцать восемь лет, финансист компании
отца,
занимается благотворительностью, ни разу ни с одним явным любовником на публике
не
засветилась. Младшая сестра редко в свет выходит. Как ее зовут, Еся запомнил.

Семья Морановых спонсировала школы магии, обеспечивая детям бесплатное питание,
устроивала
благотворительные концерты и ярмарки, основала три приюта для сирот и каждый год
выделяла
несколько сотен килограммов серебра для сетки от навьих над городскими мостами.

Елисея узнали. Посетители перешептывались, с опаской поглядывая на труп
уршурника. Еся
свалил добычу у стола, сел, игнорируя пронзительный батюшкин взгляд, вытянул из
серебряного
кольца льняную салфетку и с глухим стоном замотал ею кровоточащую ссадину на
тыльной стороне
ладони. Ссадину он получил уже в честной битве – пряжкой от портупей, когда с
боем сдирал с
упирающегося лепрекона его сценический костюм.

– Устал, – доверительно «признался» ведьмак, обращаясь к Морановой.

Та сверкнула глазами, Елисей был готов поклясться, что в них была усмешка.
Кажется, ведьмак
развлек ведьму. Это хорошо, это по плану. Зато отец пылал негодованием:

– Это что за...?!

– Я с Дежурства, – Еся кивнул, сложив губы в усталую, но удовлетворенную улыбку.

– Тебя исключили из Дозора! Три дня назад!

Что ж, следовало ожидать. Чему тут удивляться? Отец так зол, что даже не

постеснялся спалить
сына перед потенциальной невесткой.

– Можно убрать ведьмака из Дозора, но нельзя убрать Дозор из ведьмака, – Елисей схватил стакан, шумно захлюпал, пуская воду на рубашку.

Ему обидно? Больно? Он пару лет в Дозоре не был, а новость ударила под дых.
Вытер ладонью подбородок:

– Пойду. Отнесу его в Рату...
▲Елисей кивнул на труп и застыл, не договорив. Навий только что лежал не так. Вот та лапа... была подогнута. А теперь... Лапа шевельнулась.

Воскрешение уршурника стало кульминацией и без того интересного вечера. Навий пронесся по залу, попрыгал по столам, взывая от прикосновения столового серебра, и взвился на стену. Зашипел, готовясь выпрыгнуть в открытое окно, лягнул окровавленными клыками на подобрывшегося ближе охранника.

Вспомнилось давно забытое, из курса по пещерным тварям: гниловики или уршурники могут часами притворяться мертвыми, даже специальную жидкость выделяют.

– Навь левая! – выругался Елисей на бегу, устремляясь за нечистью.

И чего хотел? Поймать? После двух лет сытой жизни без специальных тренировок, стрельбы и жестовой магии?

И все же тело помнило. Ведьмак обнаружил, что стоит одной ногой на столе, второй на пустом стуле, опершись на макушку пожилой дамы и подняв в воздух правую руку. Ладонь была пуста. И ножны на портупее – тоже. На стене подышал припиленный серебряным «жалом» уршурник. Попал, значит, бывший дозорный. Не безнадежен.

– Пардон, – сказал Елисей, убирая ладонь с головы дамы.

Старушка негодуяще щелкнула острыми зубами. Оборотень. Скандалу – быть. За спиной Еси Роман Евстафьевич с громким вздохом полез в карман за чековой книжкой. Перфоманс удался.

... Елисей в который раз убедился, что самой мощной и непреодолимой магической силой на свете обладают... деньги. Через несколько минут загаженный останками нечисти угол был отгорожен, а в

качестве извинения на каждом столике появились бутылка дорогого вина и блюдо с Алтазанскими устрицами во льду. Даже старушка-оборотень, чью напудренную прическу Еся нечаянно смял до блина, сменила гнев на милость.

Отец уехал, устало погрозив кулаком, мол, поговорим еще, дай срок, и разговор приятным не будет.

Елисей переоделся в туалете отеля, упаковал костюм и остался поджидать Изю у входа ресторана.

И не только Есю. Она ведь клюнула. Выйдет.

Мимо прошли дозорные с трупом уршурника в посеребренном мешке. Кивнули, поздоровались, переглянулись украдкой. Один подошел. Еся откровенно раскрыл старшине дежурной дюжины, химеру Толли Сагусу, свой хулиганский поступок: и где дохляка брал, и как потом его нечаянно уколошил. Сказал, что на отца разозлился. И не солгал почти. Сагус посмеялся в усы, выписал штраф и неожиданно сказал:

– Хороший удар. В Дозор вернуться не думал?

– Вот так... просто? – поинтересовался Еся.

– Не просто, курсы выживания и боя заново пройдешь. Честно скажу: мы всем сейчас рады, небрезгливым, неробким, у кого магия в крови течет. Тяжко нам в последнее время приходится, нечисть, видно, решила на измор взять. Да еще появились в городе залетные воры-медвежатники, охотники на артефакты. И их тоже на нас повесили. Не слышал? У твоих... друзей, – Толли сделал едва заметную паузу, – ничего не пропадало?

– Да нет... вроде.

– Ну и ладно. А то я подумал... у вашего брата этого добра много.

– Много, – согласился Еся.

Его приятели, ведьмаки из богатых семей, артефакты действительно любили. На свете много полезных магических вещей, с которыми мир становится намного... интереснее. Например, артефакты, испускающие транс-магию, от которой кайф побольше, чем от дури.

– Ну... Надумаешь – ко мне обращайся, – сказал старшина. – Я к себе в Дозор возьму. Но только если уж... наверняка, не как в тот раз.

– Да, я понимаю.

Сагус ушел, а Елисей почему-то с волнением глядел дозорным вслед. Заметил движение у дверей

▲ресторана и посмотрел туда. К нему шла Марья Моранова. Улыбалась. С такими фигурой и лицом могла бы женить на себе кого покруче. Вон Арман Шелест, дракон из Двенадцати Родов, племянник мэра, холостяк до сих пор, красавец, с обложек светских журналов не слезает. За что такая честь Есе-ведьмаку?

– Почему мне кажется, что все это было не по-настоящему? – вкрадчиво спросила Марья Моревна.

И голос хорош. Обволакивает, расслабляет... отупляет. И запах... Елисей его помнит. «Белый сон», духи по триста шеленгов за унцию.

Еся промолчал, не видя смысла в ответе. Не дождавсь его реакции, девушка подошла ближе.

– Эй, – весело сказала она. – Не дуйся. Я тоже не в восторге от этих... смотрин. А что поделать?

Да, мы взрослые люди, можем и сами решить, кого выбрать, но долг наш – то крови долг.

Елисей усмехнулся. Крови? Это точно.

Марья подошла вплотную. Приподнялась на каблучках, заглянула сапфировыми глазищами ведьмаку в лицо. Принюхалась. Зрачки расширила.

– Медведем пахнешь. Ты мне нравишься, Елисей. Мед-ведь-маг.

Еся повторил ее движение, нагло заглянул в вырез роскошного серебристого платья:

– А ты мне – нет... Царевна-Лебедь. Черная Лебедь. Лебе-дú шка... без души.

Марья отшатнулась, побледнела:

– Откуда знаешь?

– Ну... скажем, кое-кто видел твою тень (*), – Елисей издевательски улыбнулся.

– Не может быть! Как?! Это был ты?!

(*тень выдает тайную ипостась черного мага)

– Я? Не-е-ет, – протянул ведьмак. – Ты спрашивала, зачем это было... это шоу? Для тебя и... ради лжи. Ты ведь Лебедь Черная. Вы лжи не терпите. В старые времена вы женихов тщательнее выбирали. Сначала постелью: хорош – не хорош. Потом Правдой и Кривдой. И жениха,

солгавшего,
вы, лебеди, раньше... – Еся сделал вид, что вспоминает. Изобразил целую клоунаду:
отшатнулся,
прижал ко рту ладонь: – Свежевали и сжирали... живьем?! И меня сожрешь?

– Кто?! – Марья Моревна смотрела на него потемневшими глазами.

– Не скажу. Секрет. Не оставите меня в покое – по всему городу разнесу, что Морановы душу Нави продали.

Елисей заметил Изю, выходящего из такси и, уходя, бросил:

– Не любя ты мне.

И не услышал тихого, вслед:

– Не пожалел бы...

Марья купила себе квартиру в центре Сити-круга, с видом на памятник Основателю Первого ведьмачьего рода и подальше от своего темного родового «гнезда» на Холмах. Ей нравилось сюда возвращаться. Жаль, что много времени приходилось проводить... в других местах, тайных. Но теперь тайное грозило стать явным.

Марья прошлась по комнате, посмотрела в окно на ярко освещенную Ратушную Площадь, подошла к стене и стукнула кончиком пальца по овальному, в бронзовой раме, зеркалу на стене. Впрочем, бронза была не бронзой, а зеркало – не зеркалом.

– Дух, явись.

Зеркало молчало. В последнее время Дух совсем отбилась от рук: смел хамить и уклоняться от вызова.

▲– Молчит? Наверное, выдохся, – задумчиво протянула Марья. – Жаль. Первое мое творение.

Стекло из костной муки мертвецов, основа на крови девственниц, рама дорогая, слюной дракона закаленная... С другой стороны, на курсах управления гневом говорили, что к вещам привязываться нельзя. Решено! Амальгаму пушу на декокты от морщин, бронзу на артефакты переплавлю.

Долго ждать не пришлось: в середине зеркала возникло сонное лицо Духа. Зевающая физиономия вытеснила Марьино отражение, раскрыла глаза и воскликнула с преувеличенным

удивлением:

– Хозяйка! Припозднились вы! А я тут... задремал немного.

– Скажи мне, Дух, красива ли я? Есть ли в Сильверграде девы, мне красотой подобные?

– Ну насчет девы я бы..

Марья шикнула. Зеркало покладисто продолжило:

– Вы прекрасны. Оком своим зорким смотрю-ищу-обидеть хочу. Нет, не нахожу! Красивее вас в Сильверграде нет никого! Другое дело за пределами...

– Переплавлю!

– Молчу, молчу!

– Тогда почему он...? – Марья сорвала с плеч шелковый шарф. – Спровоцировал меня?! Как он посмел?! И откуда узнал?! От кого?! Дух, отыщи того, кто видел мою тень! Тень моего Лебеда!

– Вашу тень?! – ужаснулось Зеркало. – Горе-то какое, Хозяйка! Но я даже не представляю...

Марья приблизила к зеркалу лицо. Прошипела:

– Не забывайся! Я душу бессмертную продала ради Темной Силы. И тебя продам! Ты дорого стоишь! О, морщинка! Мне срочно нужен декокт!

– Есть у меня одно предположение, – сдался Дух. – Включу Око Видящее, поразмыслию.

– Мысли. Только не тяни. У меня все есть... кроме времени.

Глава 3

Глава 3

– Ну вот и закончилась сказка, – с грустью сказала я, оглядываясь по сторонам. – А планов-то было! Громадьё!

Дом был в печальном состоянии: крыльцо изъели древоточцы, в подвале потрескалась и грозила рухнуть глиняная стена, крысы попортили мебель, которая еще хранила запах съестного и специй.

Зато окна почему-то стояли целыми – ни одно разбитого хулиганистыми мальчишками стекла. На подоконниках, с наружной стороны, лежали плоские кабашоны-самоцветы. Я благоразумно не

стала к ним прикасаться. Не знаю, кто разложил артефакты для защиты окон, но это точно была не бабушка.

Дом три года стоял пустым, а ведь известно, что жилье, лишенное человеческого присутствия, ветшает с ужасающей скоростью. Внизу лавка, кладовая и кухня, наверху две спальни, крошечная гостиная и ванны. И везде нужен ремонт.

На следующий день после того как я вселилась, меня весьма оперативно навели представители Городской Комиссии по благоустройству. Посмотрели, похмыкали и вручили предписание, по которому я должна была в течении трех месяцев привести дом «в надлежащий вид, согласно пункту бла-бла-бла положения номер бла-бла-бла Устава по Городскому бла-бла-бла». После ухода комиссии я села и набросала на листочке бумаги столбики цифр. Картина получилась невеселая. Даже если я в самое ближайшее время «расторгуюсь» и начну получать приличный доход (что маловероятно), он весь уйдет на восстановление дома.

Достала из чемоданчика мешочек с золотом. Несколько лет самым наглым образом я утаивала от семьи часть выручки от продажи пирогов, пирожных и булочек. И в принципе, мне совсем не стыдно – пироги, булочки, корзиночки с джемом и эклеры я готовила сама, просыпаясь до восхода солнца, пока другие девушки бегали по свиданиям. Однако всего накопленного хватит разве что на замену пола.

И что мне делать? Стоит ли хвататься за прошлое? Млеть от воспоминаний? Вот тут я любила сидеть, пока бабушка обслуживала покупателей, а вон там стоял кукольный домик. А там... И запахи. На глаза навернулись слезы. Мне было восемнадцать, когда умерла бабуля. На самом деле, я была ее внучатой племянницей, но никогда об этом не вспоминала. Как и она. Любимая бабушка – и все!

За три года улица, на которой стояла «Лавка немагических чудес», изменилась до неузнаваемости. Маленькие садики по соседству сменились утыканными на каждом свободном пятчке магазинчиками. Я «познакомилась» с их владельцами, высыпавшими из дверей лавок, когда по приезду поднималась в горку со своим чемоданчиком – сплошь дворфы! (*гномы) Насчитала целых семь штук окладистых бород и остроконечных шапочек. Просто какая-то тотальная одворфизация! Глобальное передворфивание! И глаза, которыми они провожали меня до лавки, такие

злые-
недобрые! Еще один повод бежать отсюда подальше. Нет ничего хуже, чем противные соседи!

Ладно, Сильверград руки не подаст и слезам не поверит. Как говорила бабуля, во всех непонятных ситуациях пей чай. Я нашла старый кофейник в ящике под раковиной, вымыла его и поставила закипать. Чай я привезла с собой – от старых запасов бабушки ничего не осталось, лишь запах липового цвета на кухне. С чашкой чая вышла во внутренний двор, некогда мое любимое место для игр. Посидела на теплом, гладком валуне посреди садика. Белая роза, которую бабушка посадила в мою честь, совсем одичала. Зато яблони усеяны крошечными яблочками. Будет, из чего печь пироги. Ах нет, не будет. Продам землю и уеду. Только не домой. Нет-нет. Ни в коем случае!

В голову что-то несильно ткнулось – в волосах запутался крошечный бумажный самолетик. Никак не привыкну к этой почтовой магии. А вот мои бывшие одноклассницы, Сонечка и Лизочка, переехавшие в Сильверград сразу после окончания школы, похоже, совсем тут освоились. В своей записке они приглашали меня в клуб – отпраздновать приезд. И, похоже, это сразу будет вечеринка-проводы.

...– Даже и не думай из Сильверграда уезжать! – заявила... Сонечка? Или это была Лизочка?

Так и не научилась их различать. Близняшкам за двадцать, а они до сих пор одинаково одеваются (на самом деле я всегда им завидовала: мне с Розочкой так не повезло). В школе мы закадычными подругами не были, но на мое письмо сестры ответили с энтузиазмом. Обе прониклись моей ситуацией и взяли на себя роль более опытных смотри-и-делай-как-мы приятельниц. Одна из них (с помадой более темного оттенка – они отличались лишь этим) строго выговаривала мне за бокалом легкого имбирного вина:

– Ты с ума сошла? Уехать?! Это же Сильверград! Не слушай никого! Тот таможенник небось получил указания от желающих землю под домом купить, вот и запугивал. Немаги в Сильверграде еще как устраиваются, весьма недурно! Посмотри на нас с Лизочкой, – ага, я не ошиблась! Это Сонечка! – обе сидим в Отделе каталогизации, в Контроле над миграцией. И знаешь, за что нас

ценят и по службе продвигают?

– Нет.

– За то, что мы немаги! Мы всегда на виду. Артефакт подслушивания не установим, через портал ничего не пронесем, начальнику приворотное не сварим.

– А купить? – наивно поинтересовалась я. – Ну... приворотное.

– Купить, конечно, запросто... но, – Сонечка наклонилась поближе: – кто на нас подумает? Мы же немаги – робкие, запуганные и волшебства боимся.

Судя по хихиканью близняшек, сестры очень неплохо устроились в городе, где правит магия.

– Продавай землю, – веско посоветовала Лизочка. – Если кто-то на нее глаз положил, жить тебе спокойно все равно не дадут – против сильной магии нет приема, кроме более сильной магии. Купишь себе жильё. Например, в Дивном Квартале. Дороговато, но зато соседство такое, – сестры синхронно закатили глаза. Я так понимаю, это они о всяких там наядидах, дриадидах и прочей нимфомании. – И начинай жениха подыскивать. Главное, не химера и не кровососа какого-нибудь. Дивные – тоже так себе мужья, развлечься разве. А вот оборотни попадаются хорошие.

– Я лучше за... немага, – робко призналась я. – Я их боюсь, оборотней.

Сонечка фыркнула:

– Немага ты и у нас, в Кривовцах, могла бы подцепить. Целься выше. Что ни говори, а деткам магию передать – дело хорошее.

Мы выпили за деток, магию и немагов. На сцене появился молодой человек, судя по виду, тоже **▲**Дивный. Мы до слез смеялись над его байками о ведьмаках. Не знала, что ведь-маги Сильверграда такие лентяи, всегда считала их героями и борцами против навьих. Затем на сцену вышел фокусник. Гостей клуба он удивлял тем, что показывал всякие необычные трюки без использования волшебства: вытягивал из рукава бесконечную ленту, рвал и собирал вместе игральные карты и прятал в цилиндр голубей.

В ходе представления ему потребовался помощник из зала, и я храбро взялась спасти несчастного,

застрявшего в таинственных коробках кролика. Не знаю, что на меня нашло.
Наверное, вино в
голову ударило. Факир поставил условие: чтобы спасти бедную живность, нужно
спеть. Мне уже
было море по колено, и я завела старинную народную песню о несчастной деве,
выданной замуж за
некроманта.

Голосок у меня всегда был приятным, хоть и несильным, и посетителям клуба явно
понравилось.
Если бы я знала, насколько, немедленно дала бы деру.

На румяно яблочко капает слеза,

Было вольно дитяtko, дочка-егоза,

Стала девой красною, толстая коса.

Кто жених твой, милая...

Как только дошла я до момента появления в сюжете песни постылого мага, его
мертвого коня и
прочей жути, в глубине зала возник темный силуэт. Мимо столиков к сцене шел
высокий молодой
человек. Черты его лишь угадывались под... черным клубящимся туманом выше пояса.
Лицо было в
тени, во вспыхивающей молниями искристой мгле, а тело изменялось с каждым шагом,
приближавшим юношу к сцене. Вот взвились над плечами два перепончатых крыла,
стали расти. И
сам оборотень подрос, заковылял, словно крокодил, вставший на задние лапы. Глаза
выступили из
тьмы... алые.

Песня застряла у меня в горле. Фокусник куда-то исчез, а из-под круглого столика
с реквизитом во
все стороны прыснули перепуганные кролики.

Подойдя у сцене, молодой нечеловек сгреб меня своими огромными лапищами, быстро
зарастающими чешуей (на каждом пальце оборотня был здоровенный коготь), словно
пушинку, и
закинул к себе на плечо, просто не обратив внимания на слабые попытки
сопротивления. Да и
сопротивляться у меня особо не получалось – я была в ужасе и все надеялась, что
это страшный
сон... или галлюцинации от вина.

Оказавшись в очень пикантной позе на плече похитителя, под пологом свесившихся
волос, я
видела, как черная шелковая рубашка (отличного, кстати, качества) всасывается
под антрацитовую
чешую. Чудовище пробежалось по залу, в лицо мне пахло прохладным вечерним
воздухом.
Обретя дар речи, вернее, визга, я полными легкими выразила свое возмущение.
Оборотень его

проигнорировал, взвился в небо – о Навь левая! – внизу промелькнула площадка перед клубом, гладь бассейна, удивленная физиономия какого-то задравшего кверху голову мужика, очертания автомобилей, быстро становящихся «игрушечными», и я провалилась во тьму.

...Очнулась на крыше, лежа поперек груди молодого человека, успевшего вернуть себе человеческую ипостась. Луна, звезды, кто-то надрывно воет вдалеке. Очень романтично, только лепестков и свечей не хватает.

Вскочила, отбежав по скользкой черепице на пару шагов от психа. Тот остался лежать, подложив под щеку сложенные ладони и сладко посапывая. Чешуя исчезла, черная рубашка и джинсы вернулись на место, юноша был бос, в правую лопатку медленно втягивалось перепончатое крыло, исчезло, словно и не было никакой трансформации, даже дырок не осталось. Жуть какая!

Да, это он, мой похититель. Он что, спит?! Вот же нелюдь! Напугал до смерти, поглумился (это я в переносном смысле – со мной, судя по ощущениям и беглому внешнему осмотру, все в порядке, тошнит только)! А теперь дрыхнет как ни в чем ни бывало! Я от души пнула оборотня ногой в тужельке (вторую потеряла в полете). Постаралась выбрать место помягче, но и то, что выбрала, оказалось ударопоглощающим, упругим... хм... мускулистым. Псих только пошлепал губами и пробормотал:

– Отстань, Навь бездушная!

Ничего себе! Еще и обзывается! Склонилась над мерзавцем, вглядываясь в лицо. Занесла ногу, чтобы пнуть еще раз, разбудить, наконец, и высказать все, что накопело! Но задумалась. Даже принялась. Спиртным почти не пахнет, пахнет... медом? Интересно, существует ли наркота на меду? Мёдамфетамин? Или чем он там накидался до беспамьяства? Не медовухой же.

Странно. Не то чтобы я в оборотнях разбираюсь, но в лавке бабушки их бывало немало, вот я кое-что и помню. Некоторые ипостаси до сих пор навскидку определяю. Они всегда накладывают на внешность человека соответствующий отпечаток. Взять, например, драконов. Мужчины из Двенадцати Драконьих Родов всегда высоки и жилисты. Черты лица острые: скулы, челюсти. Нос крупный, глаза глубокие – изнутри будто смотрит кто, бр-р-р, – темные, близко посаженные.

Красивые твари. И этот... урод... тоже красив. Но не дракон. Лицо мужественное, но черты более гармоничные, человеческие.

Налюбовавшись похитителем, я наконец-то подошла к краю крыши и осторожно огляделась. Благая Правь! Это куда же ты меня занес, сволочь?! Да еще и в полнолуние! Где-то проникновенно выли, полная луна освещала кирпичные многоэтажки с наружными лестницами из железа и лабиринты переулочков. Повсюду чернели провалами в асфальте огромные, исходящие паром люки. Темный Квартал! Я тут один раз бывала, мы с бабушкой какой-то заказ отвозили. Что делать? Время позднее, транспорт не ходит, денег нет – сумочка в клубе осталась. Сама я по мосту перейти не смогу, да и где он, мост?!

– Вставай, слышь! Ну вставай же! Нас сейчас сожрут! Пустят на органы! Тебя не знаю, а меня точно!

Очередная попытка растолкать парня успехом не увенчалась, он лишь опять обозвал меня бездушной ведьмой и почему-то лебедем. Ну и оставайся тут, сам виноват, наркоман-алкоголик-хулиган медовый! Я бросилась к двери на лестницу. К счастью, она оказалась открыта. Тихо сбежала вниз, выскочила на улицу. Вроде никого. Сразу сбила босую ногу о бульжники мостовой. Похромала, стараясь держаться в тени.

Не помогло. Из люка впереди выбрались трое. Я вжалась в нишу за кирпичным выступом, умом понимая, что это глупо. Решила обмануть оборотней? Они мой запах, должно быть, еще в своих катакомбах учуяли, на нижнем уровне, поэтому и вылезли. Некоторые оборотни в силу своих совсем нечеловеческих ипостасей предпочитают передвигаться под землей. Там у них и каналы есть, для водных видов. Благая Правь, помоги, защити! Отведи беду!

Несколько бесконечных минут было тихо. Затем передо мной бесшумно вырос здоровенный парень. Сказал, чуть ли не облизываясь... нет, действительно облизываясь:

– А кем так сладко пахнет? Кто тут у нас? Девушка? О кошачьи боги, спасибо! Парни, нам сегодня крупно повезло!

Оборотень выволок меня из-за выступа. Теперь я смутно видела всю компанию, зато им, чтобы меня разглядеть, свет не требовался.

– Ого! – сказал один из них. – Действительно повезло, Фэл. Сладенькая какая. Ты тут одна?

– Нет! – встрепенулась я. – Я не одна! Я...

– Одна, – сказал Фэл, поведя носом. – Никого рядом не чую. Ну-ка проверю ее на артефакты.
Мало ли.

Оборотень крепко прижал меня к себе, ерзая лапищами по бедрам. Глумливо пробормотал:

– Мур-мур.

Я взвизгнула, вывернувшись и вlepила ему пощечину. Попыталась вlepить – он молниеносно уклонился.

– Ну-ну, деточка. Не стоит, право.

Горло мое охватила мягкая... лапа, а острый коготь слегка нажал на кожу. Именно слегка, в том месте, где билась жилка, но я была уверена, что он остер, как бритва. Один из оборотней передал Фэлу самокрутку, тот затянулся, и в неярком свете от тления кончика я смогла хорошо рассмотреть лицо обладателя мягких лап. Припухлости у рта, вытянутые глаза, небольшой круглый нос. Кто-то из кошачьих. Обычных домашних кошек среди оборотней нет, хоть они и называют себя кошками, а вот всякие гепарды... барсы... Гепарды быстро бегают, барсы хорошо лазают... Мамочки!

– Ты тут одна? – несколько встревоженно повторил приятель Фэла.

– Одна, – ответил за меня Фэл. – Потянуло на приключения? Пришла проверить, так ли хорошо оборотни понимают в любви и прочих развлечениях, как о них говорят? К нам таких девочек-припевочек много заглядывает. Не хватает обычных парней? Так это ты удачно зашла.
Познакомимся поближе?
▲– Она явно не одна из них, – возразил его подозрительный друг. – Слишком испуганная. Страхом пахнет.

– А зачем бояться? – Фэл сладко улыбнулся. – Не нужно нас бояться. Мы просто немного развлечемся, да, крошка? И отпустим тебя. Правда-правда!

Третий кошка, до сих пор молчавший, хрипло засмеялся, смех перешел в подобие громкого мурчания.

– Я не одна, – быстро проговорила я, слегка задыхаясь в лапах кошки. – Со мной... ведьмак.

Там... подальше... наверху... на крыше... можете проверить.

– Ведьмак? – еще больше напрягся боязливый.

– Не слушай ее, Фэл, – сказал третий. – Какой еще ведьмак? Кто их в последний раз тут видел, ведьмаков? Ну разве что в трактире, кхыр-р-р. Заливает и не краснеет, а по виду такая милая.

– Пожалуйста, проверьте! – воскликнула я. – Он там! Я действительно не одна, просто...

– Она не одна.

Тихий голос донесся из тени. Кошки подпрыгнули от изумления, Фэл тихонько зашипел и наконец-то выпустил меня из лап. В лунном свете мелькнули его острые когти.

В круг света, упавшего из окна выше, выступил невысокий светловолосый парень с острыми ушами. Я вгляделась в него, гадая, чего мне ждать: спасения или еще одну неприятность. И почему он кажется таким знакомым?

– Ты кто такой? – спросил Фэл. – Дивный? Почему мы тебя не почували и не слышали?

– Наверное, вы были очень заняты? – с невинной улыбкой проговорил парень. – Я лепреккон. Знаете, кто такие лепрекконы?

– Ну... слышали, – кошки переглянулись. Глаза у них азартно засветились, они стали медленно сжимать круг, в центре которого оказался светловолосый.

– Вижу, что слышали, – без признаков испуга одобрительно заметил лепреккон. Еще один псих? Да его сейчас поймут, как мыш! – Мы, лепрекконы, закапываем клады. Стоит поймать лепреккона – и клад ваш. Смотрите!

Парень вынул из кармана золотую монету. Ярко сияя, она поднималась с его ладони все выше и выше. Кошки замороженно провожали ее взглядами. Их движения замедлились. Фэл тихо замурчал. Сияние от монеты преломилось в лунном свете в широкую радугу.

– Видите? Клад там, где кончается радуга. Найдите ее край – и копайте смело. Поспешите! Она уходит! – воскликнул лепреккон... и захихикал.

Монета действительно летела по воздуху. Обратные медленно двинулись за ней, механически

переставляя ноги. Как зомби (не дай бог, конечно). Я обнаружила, что тоже стою и тарашусь вслед радуге, а парень, назвавшийся лепреконом, крепко держит меня за руку... и смотрит на меня с изумлением:

– А вы? Вы не почувствовали зов?

– Что? А, вашу магию! – догадалась я. – Нет, я же не оборотень. Спасибо вам огромное! Вы так вовремя пришли! Я вас вспомнила! Вы комик из клуба.

Лепреконт отступил и церемонно поклонился:

– Иззантидинтэн Валуриус, к вашим услугам. Можно просто Изза.

– Беляна Снегова. Белль. Очень приятно. Они не вернуться?

– Вернутся. Нам нужно уходить. А где...? – Изза повертел головой.

– Кто?

– Ну, этот... – лепреконт сделал движение руками, словно машет крылышками.

– А, тот негодяй! Там, – я хищным жестом указала пальцем на крышу. – Дрыхнет! Меня тут чуть не... а он дрыхнет! Я подам на него в суд, непременно подам! А вы? Вы видели, как он меня похитил и пришли спасти?

▲– Как бы... да, – Изза стушевался. – Почти. Дело в том, что я слуга господина Веденева.

– Я думала, вы комик!

– Это долгая история.

– Так вы с ним заодно?!

– Что вы?! – лепреконт замахал на меня руками. – Всячески не одобряю и даже осуждаю! Однако... как человек подневольный... Произошла нелепая... в общем, давайте поскорее уйдем! Обратни довольно стойки к дивной магии и не дай бог очнутя. Я отвезу вас домой, а в дороге объясню... ситуацию.

– А этот? – я указала на крышу. – Мне не особо его жаль, не думайте. Просто он спит, а некоторые оборотни прекрасно лазают по стенам! Вольно мигрирующим из глубин мира убить ничего не стоит! И в диких ипостасях они жрут все подряд! И говорят, могут вживлять в себя украденные... органы, – меня снова затошнило, уже от понимания степени опасности, которой я

подверглась.

На лице Иззы появилось мечтательное выражение. Он смотрел на крышу дома, где спал мой похититель, затуманенным взором:

– Да... залезут... и сожрут... – медленно проговорил он. Затем лепрекон сердито встряхнулся и махнул рукой: – Да что ему сделается? Он же ведьмак. Поспешим. Вы немаг? Провезу вас через мост и прямо к вашему дому. Понимаете, Еся виноват... но он не виноват. Я уверен, что это было недоразумение!

Глава 4

Глава 4

«... Таки не смешите мой темперамент! Если бы каждый уважаемый себя лепрекон слушал каждого начитанного сказками пацана и отдавал ему нажитое нечестным, но утомительным путем, мы все давно бы вылетели в трубу, как нетопырь Гойша, который невнимательно пришел к своей мадам незадолго до возвращения ее мужа.

Когда в темном переулке моего дядю Эшу поймали два борзых тролля с целью сделать себе гешефт на кладах, дядя Эша с невинностью на лице привел их под радугу, что была на табличке в радужном квартале над клубом «Э-ге-гей!», и благоразумно сделал обратный ход. И шо в итоге? Несерьезной гопоте не досталось ни одного клада и ни одной девушки, шоб и под юбкой тоже она».

Из выступления стэнд-ап комика Иззи Валуриуса

Нынешнее рандеву в кабинете Романа Евстафьевича было бы полным дежавю, если бы не наличие рубашки, бó льшая степень запыленности (дождей в Сильверграде не было уже неделю) и отсутствие характерного похмельного амбрэ.

Вздыхнув, Веденеев-старший начал медленно доставать из ящика стола и выкладывать на зеленое сукно документы разной степени официальности.

– Заявление в полицию. С трудом перехватил в управе. От потерпевшей. Ты обвиняешься в похищении и... считаешь, тут большой список. Вот это свидетельские показания присутствующих в момент... хм... похищения, собранные подружками девицы, очень, скажу тебе, ушлыми

барышнями.

Это копия. Оригинал до сих пор у них. Что скажешь?

– Денег им побольше дай, – неохотно пробурчал Еся, отводя взгляд.

Спокойствие отца его очень нервировало. Роман Евстафьевич реагировал на очередную проделку сына с подозрительной мягкостью.

– Попытался. Не хотят. Чуют, что на интервью для «Искушенного Знатока» больше заработают. С немагами, Есенька, сейчас очень трудно. Это раньше их можно было жрать и нечисть на них подманивать, а сейчас везде толерантность и гуманизм. Партия «За права немагов», слышал? В этом году впервые на выборах вошла в Палату Общин.

– Плевать мне, – мрачно сказал Елисей, – с девчонкой я договорюсь.

Елисей покосился на Изю, который, сидя на полу у окна, с умилением на лице играл двумя золотыми монетами, подбрасывая их в воздух и заставляя крутиться. Одну монету Еся передал ему в качестве компенсации (за безвозвратно утерянную в Темном Квартале), вторую, внеочередную, **▲**лепрекон выцганил с формулировкой за «сокрытие улики» и «подвергание своей особы смертельной опасности во время выполнения мероприятий по защите доброго имени хозяина». В ответ на вопросительный взгляд Елисея, Изя цокнул языком и покачал головой, словно еще раз повторил то, что сказал утром: «не договоришься, не тот случай».

Роман Евстафьевич расстегнул пиджак и ласково проговорил:

– Ах так?! Уверен в своей неотразимости? Или застращать хочешь? Ну тогда на закуску тебе. На, читай!

Еся шагнул и взял со стола листок бумаги.

– Вслух читай! Утром пришло. От мэра.

– «Уважаемый Роман Евстафьевич. В ответ на вашу записку уведомляем вас, что нет причин для беспокойства. Дракон-Коммьюнити не усмотрело в поступке вашего сына никаких оскорбительных действий. Напротив, наша Диаспора выражает свое полное одобрение. Нам очень импонировал выбор ипостаси вашего сына во время проведения обряда. В то время, как молодежь Сильверграда все чаще отказывается следовать непреложным заветам и традициям наших предков, ваш сын, популяризовав древний обычай Выбора Невесты, вдохновил своим примером многих

молодых
людей Двенадцати Драконьих родов. Надеемся на благополучное завершение периода
ухаживания.
Напоминаем о том, что во избежание недопонимания в ситуации, сложившейся в
городе в
настоящее время, неблагоприятно было бы оказывать на избранницу вашего сына
какое-либо
давление. Представительница человеческого немагического рода Б.И. Снегова должна
принять
решение самостоятельно до окончания текущего квартала. Дракон-Комьюнити будет и
далее
следить за развитием отношений вашего сына и его невесты и всячески им
содействовать. С
уважением, глава Сакральной Дюжины, мэр Сильверграда Стронциус Стойкий».

– Что это? – бледными губами проговорил Елисей.

– Это ты меня спрашиваешь? – Роман Евстафьевич наконец-то стал самим собой и
проорал: –
Почему дракон?! Так-растак! Почему не нетопырь?! Не грифон?! Почему не медведь,
в конце
концов?! Наша потомственная ипостась – медведь! Никого не оскорбляет, всем
хорошо!

– Отец, это не я! Я не...

– А кто?! Кто утащил Б.И. Снегову прямо со сцены и нагло пролетел с нею прямо
над поместьем
мэра! Совсем страх потерял, соплюх?!

– Меня кто-то подставил! Я чувствовал чары! – завопил Елисей. – Я вообще ничего
не соображал!
Я не знаю, почему дракон?!

Роман Евстафьевич сел и застегнул пуговицу на пиджаке. Проговорил тише,
перекладывая бумаги:

– Не смей меня. Чары на нас не действуют. Признайся, что опять надрался и начал
барагозить.

Сил моих нет. Всё. В последний раз тебя из дерьма вытаскиваю, спасибо мэру, что
есть шанс все это
замять. Стронциус, полюбовавшись на твой... свадебный полет, послал помощников
поинтересоваться, что за хрень происходит. В клубе сказали, что прежде чем
похитить девицу, ты...
высказывался, в своем стиле. Мол, оценил ее прелести с места, громко и вслух. За
соседним
столиком сидели белые медведи, подтвердили.

Елисей машинально посмотрел на Изю. Тот многозначительно кивнул:
«оценил-сидели-слышали».

– Благодарю богов, что мэр расценил твой взбрык как реверанс в сторону Драконьей
Диаспоры.
Или там тоже не ты был?

– Я, – буркнул Елисей.

– Поскольку все это было принято за драконий обряд, быть посему. Отправляйся домой. Приведи себя в порядок... и чтоб не как в прошлый раз! У тебя три месяца, сто дней. Таков драконий обычай. С девицей договор подпишем, по-серьезному. Изя справки навел – есть там, на что надавить, чем заинтересовать. Так! Кислятину с лица стер и ходу! Выполнять, если беды не хочешь! На этот раз ты влип! Это не шутки! Это... драконы!

В машине Изя долго уговаривал меня отказаться от жалобы на... как его там... ведьмака Веденева. Молил и жаловался, что на его хозяина в последнее время сыплются все возможные виды «непрух». Изя был так настойчив, что мое отношение к этому любезному, симпатичному молодому человеку (разумеется, я имею в виду лепрекона, а не ведьмака) стало стремительно меняться со знака «плюс» на знак «минус». Однако потом Изза сдался и даже подвез к полицейской управе. Мало того, получил повышение в «рейтинге», дождавшись меня в машине у ворот.

Из управы я вышла на рассвете. Дежурный полицмен беседовал со мной крайне неохотно. Тянул время, отходил, звонил кому-то на громоздком, жужжащем настенном телефоне у входа и, возвращаясь, заставлял повторять все с начала. Придирался к заявлению, три раза требовал переписать. Была б его воля, вытолкал бы меня взашей, полагаю. В конце концов, тоже сдался и пообещал, что заверит жалобу у начальства.

К концу сего утомительного квеста у меня сложилось стойкое впечатление, что никто моей жалобой заниматься не собирается. Уж больно часто мне намекали, что мой статус (многозначительное движение бровями) и положение моего обидчика (еще более многозначительное движение)... в общем, в управе на меня смотрели, как на городскую сумасшедшую. Учитывая мой вид, я не очень этому удивлялась.

Внутри зрело несказанное раздражение. Я попросила Изю высадить меня в начале Лисьего Переулка. Еще раз поблагодарив лепрекона за помощь, булькая, словно чайник, и прихрамывая, двинулась вдоль правой стороны улицы. Где-то тут, среди лавочек дворфов я видела... Ага!

Рванула на себя тугую дверь под вывеской «Книги и журналы. Свежая пресса» ... и этой же дверью

грохнула, слегка получив под зад. Гаркнула:

– Здрасьте!

Над высоким прилавком (на табуреточке он там приткнулся, что ли?) возвышался рыжеволосый дворф. Один из семи. Учítывая, что все дворфы в Лисьем переулке были рыжеволосыми и рыжебородыми, пользы в его опознании мне это не прибавило. Ну и ладно!

– Свежую газету! Сегодняшнюю! – рявкнула я. – Со списком телефонов и адресов городских служб на последней странице! И радиопрограммой на неделю!

На лице дворфа боролись два выражения: одно давешнее, презрительное, как тогда, в день моего приезда, другое – свеженькое, изумленно-испуганное. Гном явно меня узнал, даже под слоем пыли с крыши, в одной тувельке, всклокоченную и с яростным огнем в глазах. Уверена, это было нелегко, я сама не узнавала себя в отражении старинного зеркала на стене лавки.

– Ну! – грозно осведомилась я. – Заснули, милейший? Долго я ждать буду?

Испуганное выражение победило. Дворф потянулся рыжей волосатой лапицей к стопке газет справа и подал мне... «Вестник мага».

– Что?! – возмутилась я. – Маги? Да плевала я на магов?! Особенно на ведьмаков. Я что, по-вашему, похожа на... на ведьму? У вас есть пресса для нормальных людей?

Завороженно на меня глядячи, гном потянулся к стопке слева, тоненькой.

– «Вестник немага», – хмыкнула я. – Очень оригинально. Сколько?

– Тр...три медных солида, – дворф наконец обрел дар речи.

– Сколько?!!

– Нет-нет, – гном замотал головой, хватаясь руками за прилавок – испугался, что своим гневом я смету его с табуреточки? – Для вас бесплатно. В честь... приезда... новоселья.

– Новоселья?! Какого к драконам новоселья?! Я тут, – я быстро перевела все летние месяцы, проведенные у бабушки, в года... и немного преувеличила, – пять лет от звонка до звонка! Так что это мой дом! Я имею на него полное право! Так и передайте!

Я схватила газету и направилась к выходу. У двери обернулась и с достоинством произнесла:

– Деньги позже занесу.

Раздражение не оставляло меня и дома. Ныло тело, болела нога, на душе свербела обида. Но в ванне накатила апатия. Кому я нужна в этом городе? Я тут несколько дней, а меня уже пытались отговорить, выгнать, украсть и съесть (или что похуже). И все же за три оставшихся у меня месяца я прижму своего обидчика... если не к стенке, то к... я задумалась, вспоминая мускулистые грудь и зад Веденева... в общем, в покое не оставлю.

В «Вестнике немага» было крайне мало позитивных новостей. Складывалось ощущение, что с каждым днем жить немагам в Сильверграде становится все сложнее. Было трудно отличить типичное журналистское нагнетание от отображения реальной ситуации. Я прочитала статью про то, как нелегко людям без магии обслуживаться в ресторанах и кафе быстрого питания, ориентированных на магов: на днях один из посетителей не смог получить свой заказ, так как ему не удалось поймать высоко летящий над столиками бургер. Ну это как-то... спорно. Зачем ходить есть в магические кафе? К бленд-магам бедолагу занесло? Они-то прекрасно левитируют, и себя, и вещи.

Ну а эта статья посерьезнее: в Темном Квартале пропало два немага. Ведутся розыски. С каждым днем надежда найти их живыми все слабее. Я зябко передернула плечами, хотя вода была горячей. Верю. Вот тут я верю! Или вот: неизвестные обокрали знаменитого немага-коллекционера. Украдены ценные артефакты. В том числе и те, что должны были защищать дом и коллекцию от взлома: знаменитый Капкан Уор-дворфа и Мистик-клетка. И чем они знамениты? Впервые слышу.

Выбравшись из ванны, я записала в блокнотик телефоны «Агентства юридической помощи немагам» и «Отдела жалоб на противоправные действия в отношении людей, лишенных магии». Лишенные магии. Звучит прямо как «с ограниченными возможностями». Впрочем, так оно и есть.

Посыльный принес мою сумочку и записку от Сонечки и Лизочки. Обе возмущались поведением «того самого Веденева» и призывали настаивать на астрономической компенсации. Я только посмеялась. Компенсировать? Кому? Мне? Да этот Веденев – главный городской мажор, богатенький сыночек из старого ведьмачьего рода, потомок Первого Ведьмака, сестры сами упоминали об этом во второй части записки. Мне бы извинений добиться. Наверняка

подобные шалости ведьмакам каждый день с рук сходят, и город к ним привык. Такие и в моем мире имеются.

На душе было... неуютно. И я решительно занялась тем, что обычно меня успокаивало – уборкой.

Отдраила плиту и часть посуды. Затем сходила на рынок, купила муки, изюма и сушеных абрикос.

Замочила начинку. Постаралась успокоиться, зная, что тесто не терпит плохого настроения. Под

музыку из старого бабушкиного радиоприемника принялась лепить пирожки, пританцовывая и

подпевая. И, разумеется, в силу привычки напекла целую гору, как на продажу в нашей булочной.

Подумала, надела любимое батистовое платье с одуванчиками и отправилась в лавку «Книги и журналы. Свежая пресса».

Увидев меня, дворф вздрогнул и опасно закачался на своей табуреточке.

– Вот, – смущенно сказала я, ловя его за руку и с трудом выставляя на прилавок прикрывающую

салфеткой корзину с пирожками (заодно заглянув за прилавок – не табуретка, высокий барный

стул!) – Это вам... всем. Вы были правы: новоселье, то-сё. Ах да, и три солида за газету.

Дворф кивнул и проводил меня настороженным взглядом до двери. Через окно лавки я украдкой

подсмотрела, как он принохивается, осторожно снимает салфетку, с полуприкрытыми глазами

втягивает носом аромат и недоуменно чешет в рыжем затылке. Лишь бы не решил, что я хочу его

отравить. И всех остальных его шесть штук братьев, уж один-то он такую гору, думаю, не осилит.

Хотя чего я волнуюсь? Дворфы – тоже маги, им так просто яд не подсунешь.

– Как жаль, что я не знала вот об этом, – с ледяной светской вежливостью произнесла я, поднимая

взгляд от записки мэра. – Впрочем, еще не поздно избавить господ Высококочтимых Драконов от

заблуждений в отношении безответственного поступка вашего сына.

Веденеев-старший в жесте немного отчаяния воздел руки к потолку.

Веденеев-младший... дремал,

вальяжно развалившись в кресле у окна. Еще и глаза перепонкой затянул, ну чисто ящер!

Издевается. Понимаю. Стыдно, небось. Или нет. Привык, что отец за него отдувается.

– Вам это ничего не даст! – воскликнул ведьмак-отец. – Поймите меня правильно: мы старый

уважаемый род! Вы же... ничего личного... человек новый, городу незнакомый. Нет-нет, я вас ни в чем не обвиняю, уверен, вы порядочная особа... и деловая! Такое у меня складывается о вас впечатление!

Долго складывается. Мы тут уже час беседуем, а меня пока только на эмоции разводят. Еся не виноват! Простите Есю! Заберите заявление из Фонда Немагической помощи! И из приемной партии «Права Немагов». И из... куда вы там еще написали?

Я обратилась за помощью к торговцу прессой и журналами и разослала шесть «самолетиков». Удобно, что можно подавать документы, не шныряя по городу – достаточно приложить к официальному посланию палец с капелькой крови.

А мне сегодня пришел только один ответ. И лучше бы он касался этого глупого похищения.

– Мы – гарант безопасности Сильверграда, – с воодушевлением продолжил Веденеев. – Елисей оступился, да! С кем не бывает?! Однако город еще помнит: на его счету несколько десятков навий тварей, убитых в Дозоре!
▲– А девиц? – холодно поинтересовалась я. – Похищенных в баре.

Еся Веденеев открыл один глаз и злобно им на меня посмотрел. Взгляд этот я выдержала с честью, хотя глаз был ярко-желтый и с вертикальным зрачком.

– Валим отсюда, пап, – лениво сказал Еся, – ты же видишь – она непробиваема.

Его отец злобно прорычал через плечо фразу на драконийском.

– Вы правы, вашему сыну явно надоело жить в Сильверграде. И вообще... жить, – согласилась я и уточнила, сделав эффектную паузу: – Я изучала драконийский на курсах ведения домашнего хозяйства.

– Зачем на курсах домохозяек преподают язык драконов? – Веденеев слегка сбился с темы.

– В жизни всякое случается, – уклончиво сообщила я. – Скажите, а можно во всей этой схеме заменить... так сказать... слабое звено? Вместо вашего сына я бы с удовольствием сходила на сто свиданий вот с ним, – я ткнула пальцем в Изю, сидевшего у камина. Еся проснулся и изумленно воззрился на лепрекона. Тот втянул голову в плечи. – ЭТОТ молодой человек кажется мне более... надежным. В принципе, согласна на любую замену, – быстро проговорила я, опасаясь

неприятностей для Изи. – У вас, случайно, нет еще одного сына? Такого, кто посреди... хм...

ухаживания за мной не устроит очередной ритуал с другой девушкой.

– Увы, нет, – с искренним сожалением развел руками Веденеев.

– Я шучу, чтобы вы поняли, насколько мне претит вся ваша затея. Но пора заканчивать с шутками.

– Три тысячи золотых шеленгов, – сказал ведьмак-отец уже другим тоном, спокойным и сосредоточенным, усаживаясь на стул с той стороны прилавка.

– Тысяча, – сказала я. – Безантов. Не шеленгов.

Золотой безант намного дороже шеленга. Да, я хорошо разбираюсь в местной валюте, у нас она тоже в ходу. И курс обмена знаю.

– Тысяча. Хм... Почти столько же стоит ваша земля вместе с домом.

Справки навел. Не удивляюсь.

– Я в курсе.

Мы, как истинно деловые люди, прощупали козыри друг друга, поблефовали, поторговались и, наконец, перешли к самой сути.

– Ну что ж... – ведьмак-отец протянул мне руку. – Познакомимся заново. Роман Евстафьевич.

– Беяна Иннокентьевна.

Веденеев достал из папки отпечатанный на машинке документ.

– Сто дней общения, в идеале – каждодневного, что предполагает... в общем, нужно делать вид, что вы влюблены. И это должно выглядеть достоверно. Вы должны иногда бывать в свете. Все свидания за наш счет, разумеется.

Я внимательно прочитала договор. Все достаточно четко и просто. Мои обязанности и права расписаны попунктно. Однако...

– Могу я взять часть суммы не деньгами? – поинтересовалась я.

– Как это? – Веденеев удивился.

Я объяснила. Про самолетик, прилетевший утром из строительной конторы, куда я посылала запрос. Решила, что поборюсь хоть немного: заменю крыльцо и покрашу дом. А вдруг! Но

строительная компания отказалась со мной работать, еще и намекнула, чтобы я не искала мастеров в других фирмах, мол, сезон, все заняты. Кто-то очень хочет купить мою землю.

– Найдем фирму. Оценим состояние дома, – ведьмак деловито прошелся по лавке. – Составим

смету. Мне не нужно, чтобы вы уезжали, Беяна Инокентьевна. Мне нужно, чтобы через три месяца вы официально, при свидетелях, отказали моему сыну по нашему договору, пункт сорок.

Дескать, не сошлись характерами. Мы заинтересованы в том, чтобы вы выглядели... достойно.

Хорошая девушка, завидная невеста, наследница процветающей лавки в быстро развивающемся

торговом районе. Тогда понятно, почему ведьмаку... отказали.

▲ Капризная невеста хвостом вильнула, – понимающе кивнула я.

– Ну... что-то в этом роде, – смущенно подтвердил Веденеев.

Я подписала договор, но внесла в него еще один пункт.

– Вот как? – хмыкнул Веденеев, прочитав дописанное.

– Только так, – сказала я.

– Что ж, даже одобряю. Теперь мы с Изей выйдем, а Еся перед вами извинится.

Мы с ведьмаком остались в лавке вдвоем. Еся встал, лениво потянулся, подошел.

Оперся на

прилавок и, томно на меня глядя, достал из-за пазухи... мою вторую туфельку, потерянную во время полета над городом.

– Нашел. Сам. Сто железных сапог истер. Примеришь? Я помогу. Иди сюда, давай ножку. А то маленькая больно туфелька, как на ребенка. Твоя ли?

Вместо того, чтобы радостно схватить сокровище и завертеться по лавке,

пританцовывая (от меня,

видимо, ожидалось нечто похожее), я наклонилась и туфельку... понюхала.

Сморщилась,

раздумывая. Понюхала еще раз. Скривилась.

– Чего ты? – спросил ведьмак, не сумев скрыть растерянность. – Твоя ведь?

– Моя. Да вот, думаю, брать или нет. У родителей в пекарне живут печные дракончики, вечно в обувь гадят, если оставить без присмотра.

Елисей густо покраснел и рявкнул:

– Я не печной дракон! Я вообще не дракон! Ведьмаки могут принимать любую ипостась. Обратни работают с магией непластичной, а мы – пластичной!

В знак подтверждения ведьмак полыхнул огнем и сжег лежащий на прилавке свежий номер «Вестника немага». Дворф Лютый оставил его сегодня на моем крыльце.

– Лавка прессы прямо и направо, – ледяным тоном сообщила я, двумя пальцами поднимая с прилавка обугленный клочок.

Ведьмак выругался, ушел, вернулся, бросил на прилавок новую газету. Пошел к выходу.

– Извиниться, – напомнила я в спину Еси.

Снова вернулся, сказал, засунув руки в карманы потертых джинсов и покачиваясь на носках:

– Мне очень жаль, что я подверг тебя опасности. Я люблю девушек и никогда их не обижаю. Я был... не в себе.

Я громко фыркнула, закатив глаза.

– Это правда, – взгляд Елисея стал жестким. У меня по спине почему-то пробежал рой мурашек с холодными лапками. – И... прими мои искренние извинения. Меня кто-то... зачаровал. Знаю, знаю, чары на ведьмаков не действуют. Но готов поклясться – меня заколдовали. И я узнаю, кто это сделал.

– Странно, как ты еще меня не обвинил, – сказала я, качая головой. – Что это я... поспособствовала. Ну да, я немаг. А кого это волнует?

– Меня волнует, – удивленным тоном сказал Еся, взявшись за ручку двери. – Бред какой. С чего мне тебя обвинять? Ты меня спасла.

Он вышел, а я осталась стоять за прилавком. С газетой, на первой странице которой был огромный заголовок: «В Сильверграде ограблена известная семья магов. Подробности выясняются».

Глава 5

Глава 5

Марья не стала зажигать в гостиной свет. Зашла и опустилась на диван. Подогнула уставшие ноги, потянулась за пледом, замерла, глядя в окно на убывающую луну. С опаской провела рукой по обнаженной руке, освещенной лунным светом. Выдохнула. Кожа нежная, бархатная, и долго такой останется. Так было обещано. Но Марье обещали... и другое... плохое. Таков Договор.

И это терзает
сердце недобрым ожиданием. Чем дальше несется время, тем беспокойнее на душе.
▲— Зеркало, кто прекрасней всех в этом городе? Все еще я? – устало проговорила
Марья.

Ей пришлось много смеяться и флиртовать этим вечером: Морановы устроили большой
прием в
Гранд-Отеле. Марья как всегда блистала. Однако это раньше приемы, танцы и
вечеринки кружили
голову и заставляли сердце биться чаще. Сейчас они приносили лишь усталость.

Марья замерла, ожидая ответ. В прошлый раз дух Зеркала назвал ей имя какой-то
заурядной
актрисульки из Синема-Холла. Юная нимфа. Шестнадцать лет, Дивные быстро
взрослеют и стареют.
Блистательный дебют. Роман со знаменитым режиссером, кольцо на пальчик. Но не
сложилось.

Зеркало молчало. Марья со вздохом встала и подошла к стене. Насмешливо фыркнула.

– Все еще дуешься и переживаешь? Зря. Одной красавицей меньше, одной больше. Я
ведь ее не
убила, эту нимфочку, всего лишь чуть... подпортила ей жизнь. Покажи мне меня.
Марью Моревну.
Во всей красе покажи.

Дух показал ее изображение. В старинном наряде, маками – символом смерти
магической –
расшитом. С косой, трижды жемчужной нитью оплетенной. Чувственный рот, яркие
глаза –
сапфиры, белоснежные зубы, шея ослепительной красоты.

Сегодня на приеме не было отбоя от ухажеров. Все пустышки. У кого бизнес и
похоть – у кого
просто похоть. Если бы только можно было найти того, кто достоин такой красоты!
И такой Силы.

– Я прекрасна, – прошептала Марья, любясь собой.

– Ты прекрасна, спору нет, – с натугой завело Зеркало.

Оно не могло противостоять своему предназначению. Хотело бы – но не могло.
Появится в
Сильверграде очередная красавица, и как бы ни старался дух держать за
несуществующими зубами
призрачный язык, рано или поздно срабатывает вложенная в артефакт «программа».

– Но живет на белом свете та, кто все ж тебя милей, – упавшим голосом договорил
дух.

– Кто она? – заныли зубы, забурилась злость в том месте, где раньше была душа.

– Белокожа, волоока, черноброва... ну такие, с рыжинкой темные бровки. И стройна,
и ладна, и

румяна. Тонка станом, немного упряма. И зовут ее Беяна, – дух немного оживился:
– Госпожа, вы
заметили? У нас сегодня апофеоз белого! И прекрасный стих родился! Тоже немножко
белый!

– Навий рифмоплёт! Не пытайся меня отвлечь! Заткнись и покажи ее!

Зеркало показало девицу, хлопчущую у плиты. Милая, хорошенькая, аккуратненькая.
Явная
провинциалка. Приехала в Сильверград замуж выйти. Коров в деревне пасти ох как
неохота, в
городе пристроиться всяко лучше. Платье... ретро какое-то. Марье бы не пошло, а
этой идет. Стиль
интересный, конечно, и, надо признать, подходит к образу. Небось продуман
образ-то, до каждой
мелочи. Коса красивая. Так и хочется выдрать.

– Эта? – Марья скептически рассматривала уже не слишком-то юную (по меркам
нынешнего
рынка невест и модельного бизнеса) шатенку. Двадцать? Двадцать-один? –
Красавица? Ты
сломался? Скажи, горничная, навь безрукая, опять тебя роняла? Или полнолуние так
действует?

– Госпожа, – напомнил дух. – Вы же знаете... Василиса Прекрасная... Елена Премудрая...

– Помню-помню. Красота не во внешности – в том, что у де вицы в сердце. Только
вот мужчины
дальше декольте обычно не заглядывают, – проговорила Марья, слегка успокаиваясь.
Это какая-то
ошибка, нет сомнений. – Вот не пойму я. У Василисы были слишком густые брови... и
глаза, как у
совы, а Елена каланчой уродилась. А навьпендривались – темные маги после смерти
Кощея три
века отходили, силы восстанавливали. Хватит придуриваться, Дух, покажи мне
настоящую
красавицу!

– Не могу. На сегодня эта – единственная, – дух вздохнул. – Жалко девицу.
Ладненькая какая.
Работающая. Моет-намывает, рук не покладает. Песни напевает. Пирожки выпекает. С
утра за ней
наблюдаю. Может, пощадите? А что если я и впрямь ошибся?! Магнитные бури!
Магические
возмущения! Подождем пару деньков. Глядишь, и рассосется ситуация!

Изображение девицы постепенно таяло.

– Верни! – рявкнула Марья.

Дождалась, когда девица проявилась, приблизила лицо к поверхности зеркала.
Дохнула. Тьма
облачком, будто паром в морозный день, коснулась костяного стекла – всосалась,
словно и не было.

▲— Ушло по назначению Темное Дыханье. Обречена де́ вица, – убитым голосом проговорило Зеркало.

И замолчало, больше не реагируя на шутки и подначивания развеселившейся хозяйки.

Утром Марья, в шелком халате с волочащимся по дубовым полам кружевным подолом, зевая, подплыла к Зеркалу, готовая услышать законное: «Нет прекраснее тебя!»

– Ну что там? – игриво проговорила она. – Я сегодня ванильно настроена. «Красотой ты сияешь, солнце в небе заслоняешь». Да, дух?

– Ты прекрасна, спору нет. Но Беляна всех милее... – монотонно, механическим голосом проговорило Зеркало. Дух, несомненно, еще «спал».

– Что?! – завопила Марья.

– А-а-а-а! – заорал проснувшийся Дух. – Уф, чуть Кондратия не словил от страха!

Давешняя девица была жива и здорова. Стояла за прилавком, мечтательно накручивая на пальчик золотистый локон.

– Живучая тварь! – прошипела Марья.

Придется ждать ночи, когда Темное Дыхание (ради которого Марья когда-то заключила договор с тем, кого не принято упоминать в приличном обществе) вступит в полную силу.

Она вчера просто устала. Вот и не сработало. Отложить до темноты. Выкинуть шатенку на время из головы – и в офис. Отвлечься.

– Кхе-кхе, – медовым голосом проговорило Зеркало ей вслед. – Хочу также донести до вашего сведения, что Елисей Веденеев жив и здоров. В газетке про него сегодняшней написано. Чудны дела твои, Правь Добрая!

– Как? – медленно проговорила Марья, возвращаясь к журнальному столику

Горничная выложила на него почтовые самолетки и свежие номера «Вестника мага», «Сильвер-Сити» и «Экономиста».

«Наследник Первого Ведьмака решается на неожиданный эксперимент! Брачный ритуал Драконов!

Станем ли мы свидетелями возрождения древней традиции?! Драконья Диаспора обещала

покровительство Веденееву и его невесте! Кто избранница «Царевича Елисея»? Молодые драконы

идут по стопам ведьмака!» – газетная магия загадочно тараторила и запускала

интригующее
музыкальное сопровождение.

На магическом фото их было двое. Елисей и та самая девица, с ее навьей непонятной красотой. То, что Веденеев находился в драконьей ипостаси, а лицо девушки было почти полностью закрыто волосами, Марью не смутило – это был он. И она. И это точно не было совпадением.

– Тук-тук, ты здесь? – Изза проскользнул в слабо освещенный зал для тренировок.

Завертел головой. Уф! Мороз по коже! Это ведь здесь ведьмаки на выживших тварях упражняются?

Елисей его сегодня не вызывал, зато папаша Веденеев беспокоился, как бы сын, после

«сватовства», не пошел поправлять уязвленное самолюбие в трактире. Вот и пришлось Изе

наводить справки. Язык довел его до полигона ведьмаков, а остальные части тела, такие, как глаза

и уши, до тренировочного бункера. Роман Евстафьевич может быть спокоен. Елисей не ваньку

валяет, а делом занят.

– Здесь, – Еся вышел в освещенный круг. Голый до пояса, с двумя серебряными мечами в руках. –

Тебя батюшка присламши?

– Ага. Еся, ты что, правда решил в Дозор вернуться?

– Слухи ходят, – уклончиво сообщил Елисей. – Старшина шестой дюжины разрешил мне сегодня

потренироваться, проверить, не ослабла ли рука у ведьмака, – Еся усмехнулся с горечью в

глазах. – Так что ты, Изя, уйди вон туда, за серебряное стекло. Кстати, здорово, что пришел –

будешь мне помогать. Клетку откроешь, когда крикну. Там кнопка. Красная.

В безопасной комнате было огромное окно почти во всю стену, толстое, с частичками серебра,

которое лепрекон отлично ощущал своей магической сутью.

– Давай! – крикнул Елисей, поднимая мечи.

▲Изя с содроганием нажал на кнопку. Одно утешало: вряд ли старшина мог без страховки отправить

давно не выходившего в Дозор ведьмака в бункер с действительно опасными тварями. Однако то,

что выскочило из автоматически открывшегося серебряного контейнера, заставило лепрекона

заорать от ужаса и отшатнуться от окна. Изя видел навьих на улицах Сильверграда, как и все

жители, которым хоть раз выпадало несчастье оказаться недалеко от Пробоя. Но такую навью

монстру наблюдал впервые.

Тварь была длинна и шипаста. И, кажется, безглаза. Это не помешало ей сразу же броситься на Елисея, не дав ему ни секунды форы.

Стекло не пропускало звуков, но Изя случайно зацепил какие-то рычажки на панели, и безопасная комната наполнилась воем и скрежетом. То, что делал Еся, превращало бой в завораживающий танец. Изе казалось, что он играет с тварью, приглашает ее потанцевать, если она согласна быть ведомой. А потом ему, видимо, надоело или он прощупал слабые стороны навьи. И тогда пляски превратились в один сплошной смазанный вихрь. Изя не успевал следить за боем, поскуливал от страха и молился, чтобы навья не ранила Елисея.

Все закончилось, как и началось, в одно мгновение. Останки твари еще шевелились: трепыхался белый костяной хвост, пульсировала черная жижка, вытекающая из дыры в панцире. Изя с опаской приблизился к тяжело дышащему Елисею. По мускулистой спине ведьмака струился пот, в глазах тухли отсветы какой-то слабой вспомогательной трансформации. Изза покопался в памяти и вспомнил: полные ипостаси не помогают ведьмакам во время боя, а мешают, притупляя их особый Дар – невосприимчивость к навьей магии.

Вопреки ожиданиям лепреккона, Елисей не выглядел довольным: смотрел мрачно, исподлобья. Даже ругнулся, помянув нечистую силу.

– Чего ты? – спросил Изя, осторожно касаясь ногой хвоста затихшей наконец твари.
– Убил же.

– Убил, – повторил за ним Еся. И покачал головой. – За сколько я его упокоил?

– Восемь минут.

– Один-единственный шипец, а я восемь минут возился.

– Так он вон какой жуткий!

– Это тебе он жуткий, с «храбрых» глаз. Шипец среди выползней – самый безобидный. Падалщик, просто территорию чтит, вот и нападает. Умный, правда. Строит себе панцирь – собирает кости падали и на себе носит, пока не врасдут. У этого, видишь, пара человеческих – кому-то не повезло, но, может, и не он убил. В бою долго пугает, подход ищет. Обычному человеку с ним сложно – шипец выпускает миазм, и свойство у него – вводить в оцепенение. Полторы минуты,

– неохотно
сказал Еся, помолчав, – мой прежний результат. Тогда я помнил, куда бить. А сейчас забыл.

Представь, если бы я был на улице во время Пробоя, и таких пусечек хвостатых было бы штук пять.

Мне место не в Дозоре, а на печи с балалайкой.

Еся сам спихнул тварь в утилизатор, взялся за шланг и отмыл тренировочную от крови. Они с Изей отправились к нему на квартиру, прихватив в Торговом Квартале, в забегаловке «У Спайси Панды», коробки с острым рисовым супом.

– Ого! – удивился Изза, увидев на столике у ведьмака два внушительного вида волюма. Лепрекон раскрыл верхнюю книгу и удивился еще больше: – «Забытые магические ритуалы и процедуры, опасные, утерянные, устаревшие». Тут и экслибрис имеется. Собственность Библиотеки Кадрона?

Ты побывал в Туманном Квартале. У грифонов, нагов и прочих хранителей знаний?

– Угу, – Еся забрал у лепрекона книги и аккуратно переложил их на другой стол. – Садись есть.

– Зачем?

– Зачем есть? Очень глубокий, философский вопрос. Но я не готов сейчас на него ответить.

– Зачем тебе книги? Я с тобой уже два года и видел тебя с книгой..., – Изя сделал вид, что вспоминает, – никогда.

– Острая необходимость, – буркнул Елисей, разламывая лепешку.

– Ты в последнее время странный! Я думал, ты начнешь как-то сопротивляться, опять пойдешь на конфликт, а ты... неужто и впрямь с Беляной встречаться будете?

– А что мне делать, Еся? – прочавкал ведьмак, орудуя палочками. – Ну я не настолько же дурак!

Ну похоже три месяца под ручку с этой Дариной.

▲– Беляной.

– Да плевать! От меня не убудет. Всяко лучше, чем с драконами разбираться, кто виноват и как.

– Ты все еще думаешь, тебя зачаровали? – задумчиво спросил Изя, макая кусочек лепешки в суп. – Но ведьмаки...

– Угу, к чарам невосприимчивы. Вот только ко всем ли? Твоей радуге лепреконской, будь она неладна, я иногда поддаюсь, помнишь? Изя, ты ведь изучал историю магии. Что

знаешь о ведьмах с
ипостасью Черного Лебеда?

Изя задумался:

– Есть такая побасенка. Раз в триста лет дочь колдуна, заслужившего расположение Тьмы, может призвать Мертвую Волю и получить ипостась черной птицы. Были вроде прецеденты. Но очень давно. Мощная и... гадкая штука... Да ну! Нет! Это анахронизм какой-то! Сейчас, если хочешь темной магией побаловаться, проще заpastись подходящими артефактами, типа Мистик-клетки или Колодца Затмения. Или джинна найти, три желания загадать. Помимо расхода энергии и издержек, вроде потери собственного «я» и подчинения темным силам, в этом ритуале с лебедем слишком много условий: души невинно убиенные, Нави переданные, и прочая ересь. Кто в наше время такой фигней заниматься будет?

Еся ел. Очень сосредоточенно. Лепреккон отложил в сторону палочки и оглянулся на стол с книгами:

– Или будет?

Елисей помедлил, но кивнул:

– Это не просто мои... теории. Ты помнишь Клару?

Изя смутился. Клару он не помнил, он пришел на службу к Веденеевым, когда Еся уже пил, дебоширил и пропускал Дозоры – говорили, что из-за расставания с девушкой. Еще говорили, что младший ведьмак и раньше норовом отличался неукротимым. А тут уж вообще распоясался.

– Клара была моей невестой, – Еся заговорил, отстраненно глядя перед собой. – Познакомились во время Дозора, на нее слизняк выскочил, а тут мы. Отец против был... категорично. Она ведь из провинции в город приехала, в богатом доме прислугой работала. Училась, стипендию получала как одаренная. Мы начали встречаться. Ей стыдно было, что она такая... небогатая. Она у хозяйки платье взяла, ко мне на свидание в нем пришла. Хозяйка его не носила, но узнала как-то о пропаже. Клара говорила, у госпожи артефакт какой-то имелся, подглядывающий, вроде зеркала, что ли. Ну в общем, разъярилась она, Марья. Прокляла Клару и выгнала. Вот тогда-то Клара тень ее увидела... лебединую. Она тоже магию изучала, углубленно, знала, что это за... хрень. Испугалась, болеть

стала. Я ее к ведунам в Глушь Лесную в Тридевятom отвез, подальше от глаз Марьиных. Ведун, что с Клары проклятье снял, молодой был. Вот они и полюбили друг друга. Оказалось, у нас это несерьезно было... а там серьезно. Я понимаю. Я и тогда понимал. Хотел всем о том, кто такая дочь Моранова, рассказать, но Клара не дала. И сама молчала, за душу свою боялась, да и как доказать? Мало ли что девице вороватой привиделось. Ведун даже не смог источник проклятья определить, нам на слово поверил, лишь нити связи оборвал. Я за Марьей присматривал, но после того она ни разу не... проявилась. Пока жениха себе искать не стала. Обо мне и Кларе она не знала, похоже. И про то, что тень ее увидели – тоже.

– Но если артефакт...

– Если это то устройство, о котором я думаю – их сейчас Морановы в разработку запустили, «Живые Зеркала» – и мне странным кажется, почему Клара одним проклятьем отделалась. Я ей намекнул, Марье, она удивилась и испугалась.

– И решила отомстить? – Изе стало совсем беспокойно, даже аппетит пропал, что с ним бывало редко.

– Расскажи мне о том вечере в клубе, после твоего выступления, – попросил Елисей.

– Так я уже...

– В Навь тебя! Жалко, что ли?! Я ж не все помню! – Еся превратился в прежнего Есю, и лепрекон вздохнул с облегчением:

– Ну ты сидел...

– Так.

♣– Выпил.

– Это помню. Немного.

– И сказал: «Хочу вон ту. Изя, смотайся, договорись. Мне нужно сейчас, с доставкой в постель».

Наступила пауза. Еся шмыгнул носом и осторожно уточнил:

– Это я о Беяне?

– А ты не помнишь? – ласково поинтересовался Изя.

– Помню, – признался ведьмак. – Ну... попутал, с кем не бывает? Она такая...

неважно.

– Вот-вот, явно попутал, – с укоризной продолжил лепреккон. – Не твоего поля ягодка. Я и спросил тебя, не лучше ли пойти в Дивный Квартал и потусоваться с девочками попроще. Ты настаивал. Я отговаривал. И тут...

– Что? – ведьмак напрягся и подался вперед.

– Ты встал, двинулся... куда-то, потом начал обращаться, потом...

– В какую сторону я двинулся?

– К бару.

– Я что-то говорил?

– Сказал, да... – Изя потер лоб, – что эти твари совсем обнаглели и пора их приструнить. Только ты все это неприлично сказал. Громко. Но ни к кому конкретному не обращаешься.

– Это меня и спасло, что не... конкретно. И еще кое-что, – Веденеев с громким вздохом откинулся на спинку стула. – Помнишь, кто там сидел? За ширмой.

– Оборотни? Белые медведи? Вы, бурые, вечно с ними грызетесь.

– Не просто белые – отморозки из клана Вельма Седого. И сам глава банды. Я их узнал. Но решил остаться, твой номер посмотреть. Они вроде благодушно настроены были, отмечали именины Вельма, он, оказывается, равнодушен к комическим номерам, – Еся скрипнул зубами. – Навь левая! Я ведь этого не помню: как шел к ним. Помню только злобу, красный туман в голове... и шепот как бы: пойдя, накажи их!... ты же ведьмак, силища!.. доколе такая шваль мостовые Сильверграда топтать будет? Никогда бы в здравом уме я к белым, числом больше одного, не сунулся. Представляешь, что было бы, если бы я Вельма оскорбил?

– Страшно подумать, – Изя передернулся и припал к бутылке с водой.

Думать о возможном исходе такой ситуации было не просто страшно – жутко. О Вельме Седом и деяниях его банды в Темном Квартале ходили разные слухи, и от самого невинного из них леденела кровь. В городе говорили, что у белых имелся какой-то сильный покровитель из высших магов. Они единственные во всем Сильверграде не боялись ведьмаков и не разделяли уважительного и боязливое к ним отношения. Не шли на прямой конфликт, и на том спасибо. Любой повод – и

хрупкому перемирию пришел бы конец. И Елисей чуть повод этот не дал.

– И все-таки меня потом в Темный занесло, – задумчиво проговорил ведьмак. – Подсознательно, факт.

– Я не знал про чары, не предполагал даже, – пробормотал лепреккон. – Видел, как тебя корежило, как ты зигзаги выводил, но решил, перепил ты.

– Я ведь шел уже... и не дошел. Услышал – поет. Ничего не видел, только ее в красном тумане, Беляну. Увидел... и ухватился, словно за спасательный круг. И выплыл. Нашел дорогу в этом мареве красном. Так что я выдержу. Сто свиданий? Пфе! Уже, считай, девяносто девять. Первым засчитаем... хм... встречу в клубе.

– Выдержишь, разумеется. Девяносто девять свиданий и работа по дому. Пфе! – рассеянно поддакнул Изя. Посмотрел на удивленного ведьмака, уточнил: – Ты не знал? Роман Евстафьевич при тебе одобрил. Белль в договор вписала – моральный урон ты отработать должен веником, лопатой, шваброй, ухватом и прихваткой, работой по дому, выражаясь проще. Еся, что такое прихватка?

– Я?! – Елисей подавился супом, закашлялся, сипло пропищал, стуча по груди кулаком. – Веденеев?! Потомственный ведьмак! Охотник на нечисть! У плиты стоять?!

Конец ознакомительного фрагмента. Купить полную книгу вы можете на страничке автора: <https://litnet.com/ru/book/100-svidanii-s-vedmakom-b233552>